

Валерия Орлова

Четыре любви
маршала
Жукова

Любовь как бой

Величайшие
истории
любви

Валерия Орлова
Четыре любви маршала
Жукова. Любовь как бой
Серия «Величайшие истории любви»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9091000

*Орлова, В. Четыре любви маршала Жукова. Любовь как бой: Энтраст
Трейдинг; Москва; 2014
ISBN 978-5-386-07956-7*

Аннотация

Георгий Жуков, прославленный полководец, маршал Советского Союза, участник нескольких войн; герой, который на протяжении многих лет творил историю нашей страны... Он вынес на своих плечах тяготы сражений, подчинил себе непобедимую армию, звук его имени вызывал трепет у солдат и у правителей, ему завидовали, и им восхищались. Однако даже лучшие из людей подвержены слабостям. Жуков знал горький вкус соблазна, и его томили желания молодости. Это история не о полководце и не о войне. Это история о любви, сильной и нежной, иногда бурной, а порой и тихой, которая способна вознести человека на вершину величия, а затем столкнуть в пропасть...

Содержание

Часть 1

5

Конец ознакомительного фрагмента.

20

Валерия Орлова
Четыре любви маршала
Жукова. Любовь как бой

© Орлова В., 2014

* * *

Часть 1

Как тяжело на склоне лет вспоминать былое: сколько выветрилось из памяти, сколько осталось в прошлом, позабытое и утратившее краски... Однако кое-что забыть невозможно. Детство, проведенное в старом доме, родная деревня, теплые руки матери, запах свежескошенной травы и теплого хлеба. Да, от этого времени в мыслях осталось только хорошее, несмотря на то что было много и плохого...

Георгий родился в Калужской области, в Стрелковке, маленькой и убогой деревушке на реке Угодке. Там и было-то всего несколько домов, многие из них отдавали стариной и вообще дышали на ладан. Однако жилище Георгия, казалось, было как минимум вдвое старше остальных построек. Маленький, покосившийся домик одной частью надежно осел в земле, крыша и бока – видимо, старясь защититься от лютых зимних холодов, – обросли мхом, кое-где была плесень. Сама крыша походила на ветхую шляпу, которую, казалось, мог сорвать любой порыв ветра. Внутри была всего одна комната с двумя окнами. Георгий на всю жизнь запомнил запах плесени и сырости. Этот запах буквально сшибал любого, кто входил внутрь, хоть гости и были редки в этом сиротливом домишке.

Кто, когда и при каких обстоятельствах построил этот дом, было известно. Раньше – рассказывали местные старо-

жилы – здесь жила вдова Анна Жукова. Она была одинока. Она взяла на воспитание мальчика, которого какая-то неизвестная, наверняка убитая горем женщина, оставила на пороге приюта.

Теплым дождливым днем Анна решила взять к себе в дом этого несчастного маленького кроху. Кто были его родители – неизвестно, откуда он появился – жители деревни могли лишь гадать. В рукаве мальчика нашли записку, в которой говорилось: «Сына моего зовите Константином». И все. Больше никаких сведений. Анна вдохнула, взяла ребенка на руки, и поняла, что больше никогда не сможет оставить его.

Анна последовала просьбе неизвестной матери и назвала приемыша Константином. Это и был будущий отец Георгия.

Тяжело пришлось Константину. Приемная мать, которую он очень любил и всегда считал себя обязанным ей жизнью, умерла, едва он достиг восьмилетнего возраста. Мальчику ничего не оставалось, кроме как найти работу. Он пошел в услужение к сапожнику, который жил в селе Угодский Завод. Сапожник этот был человеком тяжелого нрава, бивал мальчишку, да и сквернословил почему зря. То были тяжелые дни для Кости. Работа сводилась к делам по хозяйству. Мальчик занимался всем – от мытья полов до дойки коров. День начинался рано, еще до пения петухов, и к концу рабочих часов Костя чувствовал себя измотанным и подавленным. Что ж! Такова жизнь. Мальчик не жаловался, а продолжал тру-

диться.

Азы мастерства давались Константину с трудом, однако все же результат был. Через три года он решил искать другое место и ушел. Направился в Москву, где ему посчастливилось устроиться в сапожную мастерскую Вейса. У этого Вейса был даже собственный магазин модной обуви. Здесь тоже хватало работы.

Поскольку не было ничего известно о родителях Константина, у него не было даже отчества, хотя в метрической книге он был записан как Константин Артемьевич. О его происхождении можно было только догадываться, однако многие отмечали необычно тонкие черты лица Константина и подозревали, что в нем есть капля голубой крови. Ну что тут сказать?.. Деревенские всегда хотели найти во внешности человека признаки аристократической породы, но иной раз и граф выглядит как последний свинопас, а крестьян – наряди его в офицерский мундир – будет походить на офицера.

Некоторые считали, что предки Константина были греками и чуть ли не состояли в родстве с Александром Македонским; другие подозревали наличие в нем крови великих татар, которые в свое время шествовали по земле русской.

В общем, было множество догадок о родителях Константина, и ни одна из них не была подтверждена.

19 апреля 1870 год Константин Жуков женился на женщине крестьянского происхождения, которую звали Анна Иванова, причем Иванова здесь – отчество, а не фамилия,

так как фамилии у восемнадцатилетней девушки не было. В 1874 году она родила мужу сына Григория, а в самом начале 1884-го – второго сына, Василия, но он через два года умер. А 16 апреля 1892 года чахотка унесла Анну Ивановну.

Матерью Георгия была уроженка деревни Черная Грязь, Устинья. Родилась в очень бедной семье, всю жизнь перебивалась с хлеба на воду и трудилась не покладая рук. Устинья до второго замужества фамилии не имела.

В январе 1885 года она сочеталась браком с Фаддеем Стефановичем из села Турбина Спасской волости. Муж был младше жены на три года и, как и она, бесфамильный. Через год у них родился сын Иван, а через четыре года Фаддей умер от чахотки. Ему было всего двадцать три года. Чтобы прокормить ребенка, Устинья подалась в прислуги в соседние деревни. Убирала дом, помогала по хозяйству зажиточным крестьянам.

Трудилась Устинья наравне с мужчинами, однако все же оставалась женщиной, и не миновала ее любовная лихорадка. В 1890 году у нее родился внебрачный ребенок, которого назвали Георгием. Роды проходили в селе Запажье, в старом доме местной бабки, которая, хоть и была жадной и имела славу первой сплетницы, не выдала Устинью. Отец ребенка, естественно, не был записан в метрическую книгу. Возможно, именно из-за этой истории и ходили слухи о том, что Георгий Жуков был незаконнорожденным. На самом же деле

великий маршал не имел к тому никакого отношения.

Как бы то ни было, Устинья осталась жить в Запажье и, видимо, получала какую-то материальную помощь от отца ребенка. Георгия она очень любила и исправно заботилась о нем. Однако через два года ее постигло несчастье: малыш умер от «сухотки» – так называли последнюю стадию сифилиса. Заболевание передалось от отца.

Известно, что другим детям Устиньи, которые родились позже, страшная зараза не передалась, поэтому сама женщина, скорее всего, тоже счастливо избежала горькой судьбы или же просто быстро вылечилась.

Деревня маленькая, все соседи были прекрасно осведомлены о случившемся, потому теперь Устинье сложно было найти нового воздыхателя, да и искать-то надо было в других местах. Не до выбора ей стало.

Жених оказался не первой молодости, да и работал далеко от дома – в Москве. Думать Устинья особенно не стала – вдова с таким прошлым вряд сделает более выгодную партию. Константин, правда, был скор на расправу, да и выпить был не дурак, но и с этим Устинья могла мириться. Жители деревни только гадали – как этот странный мужик повелся на такой незавидный приз? Может, просто не знал ничего о прошлом невесты?

Устинья и Константин поженились, ей было тридцать пять, ему – пятьдесят. Оба были одиноки и хотели создать семью.

Жизнь семьи Жуковых была тяжелой. Нищета преследовала их, не давала расслабиться. Приходилось много работать, хорошо хоть терпением Бог не обделил ни отца Георгия, ни мать.

Устинья была очень сильной женщиной: и физический, и духовно. Со временем она полюбила мужа, всегда безропотно помогала ему и не пеняла на судьбу.

О силе Устиньи даже легенды ходили. Она легко поднимала с земли пятипудовые мешки с зерном и переносила их на значительное расстояние. Говорили, что она унаследовала физическую силу от своего отца – Артема, который подлезал под лошадь и поднимал ее или брал за хвост и одним рывком сажал на круп.

Тяжелая нужда, ничтожный заработок Константина на сапожной работе заставляли бедную женщину подрабатывать на перевозке грузов. Весной, летом и ранней осенью она трудилась на полевых работах, а поздней осенью отправлялась в уездный город Малоярославец за бакалейными товарами и возила их торговцам в Угодский Завод. За поездку она зарабатывала рубль – рубль двадцать копеек. Да разве это деньги?.. Их не хватало ни что. Если вычесть расходы на корм лошадям, ночлег в городе, питание, ремонт обуви, то оставалось очень мало. Казалось, даже нищие могли насобирать больше.

Однако делать было нечего, такова была тогда доля бедняцкая, и Устинья не пеняла на судьбу, а безропотно сносила

все невзгоды. Да и что тут говорить? Многие женщины русских деревень поступали так же, чтобы не умереть с голоду. В нечеловеческий холод, в слякоть и грязь, уставшие и замученные, униженные своим положением, возили они грузы из Малоярославца, Серпухова, Саврагино и других мест. Малолетние дети оставались под присмотром старых бабушек и дедушек, которые и сами уже еле ноги передвигали.

Многие крестьяне жили за чертой бедности: земли было мало, урожай был скудный, а иногда случались и вовсе неурожайные годы. На полях работали в основном женщины и дети, а мужчины уезжали зарабатывать деньги в другие города, чаще всего в Москву и Петербург. Это не всегда спасало, так как заработок был мал – едва хватало на пропитание. Редко кто из простых крестьян мог позволить себе наесться вдоволь.

Конечно, были в деревнях и богатые крестьяне – кулаки. Тем жилось лучше: у них и земли было побольше, и дома их были уютны и просторны. Дети – ухожены и сыты, учились в школах, то есть получали образование и имели право на нечто большее в этой жизни, нежели бедняки. Амбары кулаков были полны муки, зерна, мяса, рыбы; полки в погребах ломились от банок с вареньем и соленьями, бутылок с наливкой. Да и скот у них водился. Из неимущей семьи – кто не был слишком горд, – частенько ходили выпросить то банку молока, то краюху хлеба, то щепотку соли. Надо признать, далеко не все зажиточные были щедрыми.

Дети бедняков с завистью и блеском в глазах смотрели на тех, кто побогаче. Ах, сколько было радости, когда возвращались отцы из больших городов и привозили баранку или пряник, иногда и игрушка перепадала. Тогда это вообще счастье! Если удавалось сэкономить деньги, семья могла рассчитывать на пирог со сладкой начинкой к празднику.

В 1894 году в семье Жуковых родилась девочка, которую назвали Марией. А через два года на свет появился Георгий. Потом был еще один сын – Алексей, однако малыш прожил недолго, всего полтора года. Мальчик был сразу слаб здоровьем, а Устинья со слезами на глазах повторяла: «А от чего же ребенок будет крепкий? С воды и хлеба, что ли?» Да и возможности побыть с малышом она не получила: через несколько месяцев после родов вновь решила ехать в город на заработки. Соседи отговаривали Устинью, советовали поберечь мальчика, который был еще очень слаб и нуждался в материнском молоке. Но всей семье угрожал страшный голод, и Устинья, оставив Лешу на попечение брата и сестры, все же решила уехать.

Мальчик умер, и его похоронили на кладбище в Угодском Заводе. Маша и Егор очень горевали о брате, отец и мать тоже.

Георгий часто потом ходил на могилку младшего брата; сидел там, в тишине и одиночестве, и думал.

Как ни странно, никогда ему не было так спокойно, как в эти мрачные минуты безмолвия.

Беда не приходит одна. В том же году, когда умер Алексей, рухнула крыша дома – ветхая совсем стала.

Делать было нечего. Семья перебралась в сарай, благо погода была еще теплая.

– Дальше посмотрим, – говорил Константин. – Может, кто пустит в баню или пристройку какую... – Однако особой уверенности в его словах не было. И он, как вся остальная семья, боялся будущего и не знал, что делать, как исправить положение.

Устинья в те времена часто заливалась слезами. Однако дух ее беды не сломили. Вздохнув, она погладила Егора и Машу по голове и сказала:

– Что ж делать. Айда! Таскайте все вещи в сарай!

В сарае было тесно, но на это никто не жаловался. Константин смастерил маленькую печку для готовки, и семья обосновалась как могла.

Как-то к Жуковым зашел приятель Константина, Назарыч:

– Что, Костюха, говорят, ты с домовым не поладил, выжил он тебя?

– Как не поладил? – удивился Константин. – Если бы не поладил, он нас наверняка придавил бы.

– И что вы теперь будете делать-то?

– Ума не приложу...

– А чего думать, – вмешалась Устинья, – надо корову брать за рога и вести на базар. Продадим ее и сруб купим.

Не успеешь оглянуться, как пройдет лето, а зимой какая же стройка...

Мужчины подумали и решили, что жена Константина верно рассудила. Да и больше никаких предложений ни у кого не было.

– Верно-то верно, но одной коровы не хватит. – Константин в сомнениях покачал головой. – Наша старушка лошадь тоже нас не спасет.

На это никто не отозвался, но всем было ясно, что самое тяжелое время еще впереди. Так и поступили. Через некоторое время Константину удалось-таки достать сруб по хорошей цене. Соседи помогли его привезти и даже покрыли крышу соломой.

– Ничего, поживем и в этом, а когда разбогатеем, построим лучше, – сказала Устинья.

С наружной стороны дом выглядел хуже других: крыльцо было сбито из старых досок, окна застеклены осколками. Но семья Жуковых радовалась: какой-никакой, а все же угол.

Детство Георгия было тяжелым. Зимы были лютыми, семья едва сводила концы с концами. Больше всего Егору всегда было жалко сестру. Мария сносила невзгоды стойко, прямо как ее мать, но внешний вид ее был ужасен. Худая, бледная, Маша трудилась за двоих, и еще находила силы поддерживать брата.

1902 год, когда мальчику исполнилось семь лет, выдал-

ся неурожайным, и зерна хватило только до середины зимы, затем пришлось влезать в новые долги, когда только-только рассчитались со старыми. Зарботка Константина едва хватало на хлеб. Благо соседи были добрые – угощали то пирогом, то щами. Вот такая традиция в русских деревнях – помогать ближнему в трудную минуту. Друг Константина и еще несколько мужиков приходили и латали дом, когда совсем было невмоготу.

Так и неслись дни. Наступила весна, и жить стало легче. Дела у Жуковых пошли в гору: стали ловить рыбу в реках Огубляйке и Протве. Огублянка – небольшая речка, мелководная, сильно поросла тиной. Выше деревни Костинки, ближе к селу Болотскому, где речка брала свое начало из мелких ручейков, места были очень глубокие, там и водилась крупная рыба. В Огублянке, особенно в районе деревни, где жили Жуковы, и соседней деревни Огуби, было много плотвы, окуня и линя. Егор с отцом вылавливали его корзинами. Случались очень удачные дни, и он делился рыбой с соседями за их щи и кашу.

Походы на реку очень сблизили отца и сына. В такие дни они много говорили, мечтали, строили планы, хоть и знали, что им не суждено сбыться, смеялись и даже пели песни. Мальчик чувствовал себя счастливым, забывая про пережитые невзгоды.

Ночами, конечно, все равно было страшно и тревожно. Из головы никогда не шел образ без времени постаревшей ма-

тери с вечно красными глазами. Устинья старалась не показывать слабостей на людях, но жили-то в тесноте, и разве тут спрячешься?.. Однажды Егор, войдя в дом, увидел, как мать сидит за столом, низко склонив голову, а плечи ее сотрясаются от беззвучных рыданий. Ее сторбленная, напряженная спина навсегда сохранилась в памяти Егора. Тогда он не подошел, не утешил мать. Трусливо съежившись, он тихо выскользнул за дверь и потом много лет корил себя за проявленное малодушие.

Иногда Егор ходил на рыбалку с ребятами – обычно в район Михалевых гор. Дорога вилась через густую липовую рощу и чудесные березовые перелески, где было немало земляники и полевой клубники, а в конце лета – много грибов. В этой роще мужики со всех ближайших деревень драли лыко для лаптей, которые в деревне звались выходными туфлями в клетку.

Но настала пора, и кончилось детство, хоть и слишком рано. Однажды Константин сказал сыну:

– Ну, Егор, ты уже большой – пора и тебе братья за дело. Я в твои годы работал не меньше взрослого. Возьми грабли, завтра поедем на сенокос, будешь с Машей растрясать сено, сушить его и сгребать в копны.

Егор ничего не ответил, только кивнул, а наутро сделал все, как велел отец.

Вообще раньше мальчика брали на сенокос взрослые, и

ему там нравилось. Но теперь неожиданно пришло осознание, что развлечения кончились. Теперь Егор туда ехал, чтобы трудиться наравне со всеми. Его охватила гордость при мысли, что он тоже будет участвовать в настоящей жизни деревни и семьи, будет отвечать за свой участок работы. Наконец он станет полезным. На других подводах видел своих товарищей-одногодков, также с граблями в руках.

Работал Егор очень старательно, но, кажется, перестарался: на ладонях быстро появились мозоли. Мальчику было стыдно в этом признаться, и он терпел, пока мог. Наконец мозоли прорвались, и работать Егор больше не мог.

– Ничего, пройдет! – воскликнул отец и стал лоскутом перевязывать сыну ладони.

После этого случая Егор несколько дней не мог взять в руки грабли и просто помогал сестре сгружать сено. Остальные ребята над ним смеялись, однако прошло несколько дней, и мальчик снова стал трудиться наравне со всеми.

Когда подошла пора уборки хлебов, мать сказала:

– Пора, сынок, учиться жать. Я тебе купила в городе новенький серп. Завтра утром пойдем жать рожь.

Поначалу все складывалось неплохо, но вскоре бедного Егора вновь постигло разочарование: он слишком торопился, переживал и случайно резанул себя серпом по мизинцу на левой руке. Устинья очень испугалась, да и сам Егор – тоже. Хорошо, что соседка, тетка Прасковья, которая оказалась рядом, приложила к пальцу лист подорожника и крепко

перевязала его тряпицей.

Этот рубец на мизинце останется у Георгия на всю жизнь – будет напоминать о годах, прожитых в деревне, о детстве и о матери.

* * *

Лето пролетело быстро – в трудах и заботах. За этот период Егор очень окреп и приобрел солидный опыт полевых работ.

Осенью для всех ребят наступила очень ответственная пора – они готовились идти в школу. Готовился и Егор. Даже позаимствовал у сестры букварь и выучил буквы, которые были крупно напечатаны на обветшалых страницах.

Из деревни, в которой жили Жуковы, в этом году в школы должны были пойти еще пять мальчишек, среди которых был закадычный друг Егора, Лешка Колотырный. «Колотырный» – это было его прозвище, а настоящая фамилия – Жуков, как ни странно. Жуковых в этой деревне было хоть отбавляй. Однофамильцев различали по именам матерей. Егора и Машу звали Устиныны, других – Авдотьины, третьих – Татьянины. Так и жили.

В деревне Величково находилась маленькая церковно-приходская школа, в которой должны были учиться ребята. Там же учились дети из еще четырех окрестных деревень.

Егор с нетерпением ждал начала занятий, предвкушая но-

вую и интересную жизнь. Многим купили настоящие ранцы, а Егору и Лешке сшили холщовые сумки, куда помещались тетрадки и учебники.

Егор поначалу расстроился и заявил, что с такими сумками ходят только нищие и он не будет позориться. На это Устинья ответила:

– Ничего, переживешь. Вот заработаем с отцом денег и тогда уж купим тебе настоящий ранец, а пока обойдешься и сумкой.

Делать нечего – пошел Егор в школу с тем, что было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.